

Сопровождающий подполковник вежливо: доложит. Вообще, все очень вежливо, может быть и это теперь стиль такой новый? (Если не считать, что двух моих сокамерников тот же подполковник при входе облаял.) Ну, на их вежливость и у меня же покойность, как будто я все четверть столетия так от них и не уходил, сроднился. (А вот что: спокойствие это потому так беспрестанно мне досталось, что я подчинился тюремным правилам. Иначе б на мелкие стычки и раздражения весь. Хотя не задумано, а умно получилось: нате мое тело, поворачивайте, а от спокойствия моего - лопните! Если там с надеждой запрашивает куратор из ЦК - черныш? бунно? истерику бью? - ни чернышка! не возвысил голоса, не убистрил темпа, на кровати сижу - как дремлю, по камере прохаживаюсь - топ-топ, размеренно. И если сохраняли они такой расчет, что вдруг я забьюсь, ослабну, стану о чем-то просить или скину к соглашению, то именно от спокойствия моего их расчеты подвалились.)

Заперли дверь. Мои ребята что-то растеряны. И с куреньем как же? А что же у вас форточка закрыта? Да холодно, плохо топят, пальцами накрываемся, все равно холодно. Ну все ж, после перекура давайте проветрим.

Так, так. Все, как рассказывали, камеры не изменились: серый пакостный унитаз, а все-таки не параша; кружки на столе, но не съезжают от рева и дрожи аэродинамических труб по соседству, как тогда, тишина - и то какое благо; яркая лампочка под сеткой в потолке; на полке - черный хлеб, еще много цело, а ведь вечер. Глазок то и дело шуршит, значит, не дежурный один удупился, а многие меняются. Смотрите, смотрите, взяли. Да как бы вам не поперхнуться.

Слежу за собой, отращиваю мацо - никаких опущенных вычюлка. С полным вниманием смотрю на сокамерников (понычки бивают только своим горем заняты). Оба ребята молодые, один - черныш, продувной, очень живой, но весь так и крутится от обожжения, взили его лишь сутки назад, еще не опомнился; второй - белокурый, тоже будто трех суток нет, не арестованный, мол, а задержанный, но, если не болел, вяловат, сдутловат, бледен, - многие признаки долгого тюремного сидения, такими и а с е д к и бываюют. А между собой они - впросто, и, наверно, первый второму все рассказывал... Не спрашиваю - "за что сели?", спрашиваю - "в чем обвиняют?". Валютчики*.

В чем они еще не узнали тюремной сласти - ходить по камере. Четыре шага небольших - все-таки. Проходка, от какой я за всю жизнь не отставал, - и вот опять пригодилась. Медленно-медленно. В ботинках чужих и мягко бы хотел, да стучат как деревянные. Глазком шуршат, шуршат, смотрят, не насмотрятся.

Решились(...)

Решились. Да неужели ж не понимали, что я - как тот велосипед заминированный, какие бросали нам немцы посреди дороги: вот лежит, доступный, незащищенный, но только польстись, потяни - и нескольких наших нет. Все - давно на Западе, все - давно на старте. Теперь сама собой откроется автоматическая программа: мое завещание - еще два тома "Архипелага" - вот этот "Теленок", с Третьим Дополнением. - Сценарий и фильм. - "Прусские ночи". - "Пир победителей" (спасенный, см. Пятое Дополнение). - Пьеса о СМЕРШе. - Лагерная поэма. - "Круг"-96. - Ленинские главы. - Второй узел... Всей полноты заряда они, конечно, не понимают. Ну, отхватите! Если б не это все, я бы видя, сжигался сейчас хуже несчастного моего соседа. А теперь - спокоен. К концу - так к концу. Надеюсь, что и в а м тоже.

Ребята предлагают мне - хлеба с полки и сухарей. Есть, пожалуй, хочется. Вспоминаю: предлагали мне дома в 3 часа пообедать, сказал - нет, Стенана прогуляю. Так с утра и не ел, и голодный в камеру пришел, и уже до утра ничего не дадут, все выдачи миновали. Плохой арестантский старт, перед первым днем следствия. И даже не

оказалось в кармане кошелька, ни рубля, ни копейки на ларек, вот уж спешил! Хлеб? а как же вы? Да мы не хотим. Да его дают от п у з а. От пуза?! Чудеса, неузнаваемо. Начинаю понципывать. После средней московской чернышки - довольно мерзкий хлеб, глиноватый, специально пекут похуже. Ничего, втянусь.

Но что ж это? Уже два часа прошло, а вшей моих нет. "Головую" (палец подним). Сразу с готовностью открывают кормушку: тут они все толкуются, и офицер один, второй. Тихо говорю, насколько не шумя, не как бывало, звонко п р а в а к а ч а я, а лениво даже (в те года - вся сила была в этой звонкости, а сейчас - силища другая: книги ползут неуклонно):

Сов. молодежь. - Жима. - 1990. - 14 дек.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ

пора вещи вернуть, все сроки прожарки кончены. "Выясняется... Вопрос выясняется". Хрена тут выяснять? Ну, может быть, теперь все по-новому. (Упускаю у ребят спросить: а у них - долго прожаривали?) Ребята говорят: без пальто пропадете, ночью под одним одеялом холодно. Вдруг распаивается дверь, подполковник принимает парад, а еще один чин несет мне второе одеяло, со склада новое, еще не пользованное. Ребята изумлены, - что я за птица?.. Так, значит, прожарка до утра? Странно. Ну ладно. Теперь чего мне только не хватает? - скорей бы спать. Привык я в 9 уже ложиться, не стыжусь и в 8, а здесь только в 10 формальный бюджет отбой, да пойдй засни. К завтрашней первой схватке все решает первая ночь. Счастливые вечернее торможение, мысли вялые, - вот сейчас бы и выиграть час-два-три. Спотворных нет, и ночь будет бессонная, сейчас - самое спать. Но нельзя: разрешается лежать по-верх одеяла, не раздеваясь, не укрываясь. Лежу, да только голова затекает. Как низко! (И - как это скрыть, что я стал уязвим на низкое изголовье?) А ребята - еще по одной панировке, еще, по каждый раз проветривают. Чернышый вертится у меня за головой: "Ну, кто мог сказать? Кто о?? Вот что меня одно интересует". С любимой, видно, женой, устраивали они жизнь покрасивше, как понимали, - что из мебели, а вот и машину купили - что в нормальной стране рабочий может просто заработать, а у нас надо исхитриться против закона. Какие-то монетки у него взяли при обыске, теперь эти монетки надо было объяснять.

"Слышь, парень, - говорю, - ты вообще в камере вот это помнешше. Тут - микрофоны, не беспокойся. Может и не было н и ч е г о, понимаешь? Ты - про себя внутри крути больше". Задумался. Еще им из тюремного опыта кой-что рассказывал, дотянуть до сна. Вдруг - замок гремит. Точно, как на Лубянке бывало - ближе к отбою на допрос. Но теперь-то ногами не допрашивают? (Я и днем-то разговаривать не буду.)

Однако подполковник, фамилии моей ни разу так и не назвав, и не спросив, приглашает меня п р о й т и . После отбоя ничем бы не пошел. Но сейчас - ладно, может тудуничек отдадут, - как хорошо в него укутаться, хоть на рельсах сидючи, хоть в к р а с н у х е, хоть на лагерных парах. А идти

мне оказывается - почти ничего. вот как камеру выбрали, не успеваешь глазами прощастать по этим полотнищам, офицер впереди, офицер позади, - а полковник, начальник Лефортова, поперек дороги: пожалуйста вбок. Вестибюльчик - вестибюльчик - дверь в кабинет. Ярко. Вокруговую по стульям: уже двое сидят (лиц не разглядываю - откуда, кто? ряженые?), а со мной пришедшими - пятеро их. А за главным столом, сверкая лысиной, - маленький, вострый, пригнулся, и еще под настольной лампой яркото бело от бумаг. А посреди комнаты, на просторе, как нормальные люди не садятся, под самыми лампами - стул, к вострому лицом, и - туда мне показывают полковник и подполковник. Ничего, сидеть - лучше, чем стоять. Сел. И, чуя, задние все

уселись, полукругом за моей спиной. Молчим.

Главный вострый - щуп, щуп меня глазами, как никогда людей не выдавши.

Ничего, пош-шупай.

И остро, стараясь даже произзительно:

Солженицын??

Ошибся. Ему бы: "Фамилия?"

Ну, ладно, поймали, держите:

- Он самый.

Опять остро:

- Александр Исаич?

Успокоительно:

- Именно.

И - с возможной звонкостью и значением:

- Я заместитель генерального прокурора СССР - Маляров!

- А-а-а... Слышал.

У Сахарова читал. Да не написал Сахаров, что он маленький такой. По записи можно подумать - номенклатурная глыба. Осколупов.

Но - не размазывает, деловой. А может быть, воздухом одной комнаты со мной дышать не может, торопится:

- Зачитываю постановление...

Не запомнил я, кто "утверждает", - он ли, или самый генеральный прокурор, а "постановил" все-

го-навсего старший советник юстиции, тот самый Зверев, в роскошной шубе, - на квартиру почти как милиционер приходил, а тут, вишь, за все политбюро управляется:

- ... За... за... Предъявляется обвинение по статье 64-й! (еще там буква или часть?).

Я - голосом дремным, я - с мужикким невежеством:

Вот этого нового кодекса... (он ведь только 13 лет) - ...совсем не знаю. Это - что, 64-я?

То ли было в добрые времена, при Сталине-батюшке, как посидишь д е с я т к у, так шарь любой поддухнет в темноте наизусть.

Маляров выдулился рачьи:

- Измена родине!

Не шевелось.

(Он за спиной внятером засели - ждуть, я кинусь на прокурора?)

- Распшидитесь! - поворачивает ко мне лист, приглашает к столу подойти.

Без шевеленья, давно отдуманное, слово на вес:

- Ни в вашем следствии, ни в вашем суде я принимать участия не буду. Делайте все без меня.

Ожидал, наверно. Не так уж и удивляется:

- Только расписаться, что - объявлено.

- Я сказал.

Не спорит. Повертывает лист и сам же расписывается.

Ах, как меня жал следователь 29 лет назад, неопытный, зная, что в каждом человеке есть невыжаренный объем. И до чего ж хорошо - зарекомендовать себя камнем литым, даже и не пытаются, не прикасаются пожать, попробовать. Следствие - не будет трудным: напря-

гаться умом не надо. Всех, всех предупреджал: говорите, валите, что хотите, со мной противоречий не будет никогда, потому что я не отвечаю ни на вопрос.

Так - и надо. Вот она, лучшая тактика.

Все. Тем же чередом - встают сзади меня, встаю я, офицер впереди, офицер позади, через два вестибюля - руки назад! (не резко, мягко-напоминающе). Можно бы и не брать, конечно. Но я руки назад - беру. Для меня руки назад, если б вы знали, даже еще и уверенней: чего ж ими болтать, строить вольничку недобитого, для меня руки назад - я железный эск во мгновение, я сомкнулся с миллионами. Вы не знаете: вот такая маленькая пустая проходочка под копяем насколько укрепляет зюка в себе.

А тут и не долго, вот уже и в камере. Ребята: "Ну, что?"

Говорить, не говорить?..

Я и действительно не помню: ю пятнадцати лет - это точка. Но, конечно, и расстрел же есть.

Да, осмелели, не ожидал от них. Вот тебе - и варианты. На всякого мудреца довольно простоты(...)

Наконец, объявили в кормушку отбой. Ну, теперь побыстрей, это мы ловко когда-то умели: одеяла - отквачены, куртку - прочь, брюки - прочь, да не очень-то: холодно, правда, ах, сволочи, замотали тудунички! и носки шерстяные! Побыстрей. Так спешили обвинение объявить - завтра, гляди, с утра и следствие покатыт. И в общих движениях, в суматохе, незаметно, ботинки - тык под подушку! старый зочий прием - для сохранности, а сейчас мне для высоты. Лампа бьет, полотенцем накрыть глаза, на Лубянке, не запрещали. А потребуют ли руку наружу? - может, и нет. Спать! Дышать глубоко-глубоко-глубоко. (Чем дышать? в камере - не воздух, я забыл уже про такую.)

Нет, собачий сын, заметил, что под мою кроватью пусто, откинул кормушку:

- Онустишь ботинки на пол!

Строил, строил подушку без них. Потом дышал глубоко. Заснул.

(Дети не засыпали, пугались шума, света, многих голосов. Все новые приходили, и сахаровская группа от прокуратуры. (А все-таки это обилие бесстрашных сочувствующих в квартире арестованного - это новое время! Пронали вы, большевики, как ни считай!..)) Из нашей квартиры Сахаров отвечал канадскому радио: "Арест Солженицына - месть за его книгу. Это оскорбление не только русской литературы, но и памяти погибших"...)

* Западу это трудно объяснить: виновны в том, что совершили операции по истинному соотношению валют, а не по искусственному советскому.